

Елена Евгеньевна Никулина – искусствовед, кандидат искусствоведения, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова (Петрозаводск, Россия),
elena.nikulina@glazunovcons.ru

Elena E. Nikulina – art expert, Ph.D. in History of Arts, Associate Professor at the Human Sciences Department of the Petrozavodsk State Glazunov Conservatoire (Petrozavodsk, Russian Federation),
elena.nikulina@glazunovcons.ru

УДК 783.658+75.046

DOI 10.61908/2413-0486.2021. 25.1.68-79

ОБРАЗ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ В УСТНОЙ И ИКОНОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕЙ КАРЕЛИИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

THE IMAGE OF SAINT GEORGE IN ORAL AND ICON PAINTING TRADITION OF ANCIENT KARELIA THROUGH THE EXAMPLE OF SPECIFIC MONUMENTS

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы стиля, художественной и языковой формы на материале духовных стихов и икон карельских ареалов позднего Средневековья, посвящённых святому Георгию. Кроме того, в объектив внимания попадают темы, связанные с дохристианской аграрно-магической символикой образа, получившей реализацию в поэтических текстах. В качестве основного метода применяется сравнительный анализ источников. В выводах приводится мысль о возможности различных научных подходов к исследованию, в том числе изысканий, находящихся на стыке различных видов искусства.

Abstract

The article covers the issues of style, artistic and linguistic form through the example of religious poems and icons from the areas of Karelia of the late Middle Ages, dedicated to St. George. Moreover, the emphasis is placed on the themes related to pre-Christian agrarian-magical symbolism of the image, which was embodied in poetic texts. The comparative analysis of the sources is used as the main method. The

conclusions suggest the idea of a possibility of several scientific approaches to the research, including research studies at the intersection of various art forms.

Ключевые слова: духовные стихи, святой Георгий, иконы, житийный текст, мотив змеборства, стиль, барокко, крестьянское мировосприятие, лубочная картинка, процесс фольклоризации

Keywords: religious poems, Saint George, icons, hagiographic text, dragon-fight motive, style, the Baroque, peasant mentality, crude woodcuts, the process of folklorization

Образ святого Георгия был одним из наиболее почитаемых на Руси, об этом свидетельствуют сохранившиеся древние памятники культуры.

В период XVII–XVIII веков в Карелии он приобрёл особую популярность. Возможно, это обстоятельство обуславливалось многочисленными военными столкновениями местного населения и тех, кто нарушал и без того слабые границы Обонежской пятины¹. Поэтому обращение к образу воина-защитника было вполне оправданным.

Между тем интерес к Георгию Победоносцу в крестьянской среде возник намного раньше – ещё в языческие времена. В культурных традициях различных этнических групп, издревле проживавших на территории края, сложилась особая этническая версия христианско-языческого синкретизма. Как отмечал видный исследователь северного деревянного зодчества В. П. Орфинский, «...славяно-финский симбиоз, во многом ориентированный на языческие приоритеты, в

¹ Обонежская пятина – одна из пяти областей, на которые делилась новгородская земля до начала XVIII века. Её название происходит от озера Онега, которое всё заключалось в пределах пятины. Во 2-й половине XVI века она разделялась на две неравные половины: Нагорную, по реке Мсте (юго-восточная, 36 погостов), и Заонежскую (северо-западная, 45 погостов), обнимавшую со всех сторон Онежское озеро. Первое упоминание о пятине встречается в писцовой книге Юрия Сабурова (1496 год). Однако название Обонежья, как области, соответствующей позднейшей пятине, употреблялось ещё ранее: в «Уставе Ярослава о мостех» – «Обониское сто» и в уставной грамоте князя Святослава Ольговича (1137 год) – Обонежский ряд (состоял из 14 населённых мест, на пространстве от реки Олонки до верховьев рек Ояти, Паши и Сяси). В 1649 году был построен единственный город пятины – Олонец. Позднее северная часть пятины вошла в состав Олонецкой губернии, а южная – в состав Санкт-Петербургской и Новгородской губерний [2; 6; 10].

условиях соперничества Новгорода с Киевом массовому сознанию представлялся как своеобразный способ самовыражения и самоутверждения...» [11, с. 95]. Вот почему в искусстве Древней Карелии сформировалась питательная почва для сложения новых типов образности, которые обрели характер традиции. Поэтому «пристройка» новых религиозных правил к старой системе координат у аборигенного населения произошла без особых усилий.

Издrevле Велес, Перун, Макошь (Мокошь), Егорий составляли основной пантеон языческих богов². Наиболее важные функции, которые приписывались им, были связаны с природными явлениями и сельским хозяйством. Во времена активной христианизации Карелии пантеон святых претерпел лишь некоторые изменения, в частности, это коснулось имён. Так, на смену языческим пришли те, которые утвердились в новой религиозной практике с культурами святых, – это Власий, Пророк Илия, Параскева, Георгий. «Функционал» чтимых богов сохранил свою почвенную основу и дополнился теми важными деяниями, которые сопровождали их с момента канонизации.

Образ Георгия в обновлённом идеологическом пространстве не утратил свою глубинную архаическую сущность. С его именем было связано два праздника – Егорий Вешний и Юрьев день. Эти стародавние календарные торжества находились на границах особо важных крестьянских дел, связанных в том числе с проведением сельскохозяйственных работ. В сценариях этих праздников существовал обычай «егорьевского окликанья», по существу являвшийся магическим заклинанием:

Мы вокруг поля ходили,
Мы Егора-свет водили,
Мы Егорья кликали...

[5, с. 317].

² В данном списке Егорий стоял особняком, поскольку в нём совмещались две линии: одна была связана с христианской картиной мира, а другая с мифологией древних русичей, в которой соединились архетипы царя и героя. Последнее обстоятельство оказалось намного древнее по своим корням.

К Юрьеву дню больше всего было приурочено песен, пословиц, легенд, заговоров и примет. Такое разнообразие форм устного народного творчества было не случайным. Именно в этот день крестьяне осуществляли первый выгон скота со двора на пастбища, купались в «егорьевской росе», собирали лечебные травы, жгли костры, устраивали ритуальные трапезы, готовились к охоте. Однако за всеми этими ритуалами крестьянской жизни ещё в ранний дохристианский период стояли отдельные покровители-божества. С принятием же христианства все их функции перешли к Георгию. Несмотря на то, что они имели разнонаправленный характер, провинциальное сознание их уравнивало.

Слияние образа святого с традиционными крестьянскими культами отчасти нашло отражение и в духовной поэзии. В известном труде «Духовные стихи Русского Севера» (2015) [4] представлен большой корпус поэтических текстов, посвящённых Егорию³. Особую популярность образ приобрёл в Медвежьегорском и Беломорском районах. Именно там этнографами было зафиксировано значительное количество текстов.

В произведениях отрабатывались две главные линии: в первой рассказывалось о мученичестве святого, а во второй – об уничтожении им чудища-змея. Иногда эти линии переплетались в один поэтический рассказ и по стилистике перекликались с различными формами – былиной, балладой, плачем. К слову сказать, по мнению некоторых исследователей, такая поэзия не представляла собой единого стилистического единства. По этой причине даже сегодня анализировать её с точки зрения традиционных подходов довольно сложно [1].

Не претендуя на абсолютную обстоятельность изложения и понимая всю сложность вопроса, автор уделяет преимущественное внимание аспектам, связанным с анализом трактовки отдельных мотивов жития святого и сопоставлением их с иконописными произведениями. В данном случае интерес

³ Именно эта народная форма от имени Георгий использовалась безымянными авторами текстов.

представляет поэтический текст, исполненный жительницей деревни Сумостров Беломорского района Александрой Дмитриевной Воробьёвой.

Из текста «Мучения Егория» («Егорий и змей») мы узнаём о том, что некий царь Кудреянище⁴ пришёл на чужую землю:

...Всех князей-бояр поубивал,
Молодых молодухек во полон-то брал.
Остается цадо милое,
Цадо милое, Егорий-свет.
Стали Егорья-света мукой мучити...
[4, с. 239].

В данном отрывке имя героя даётся в сочетании со словом «свет». Именно такой вариант обращения можно увидеть во многочисленных поэтических преданиях. По мнению некоторых исследователей, традиционная древняя атрибутика свет-Егория символизировала два начала: лунное и солнечное. О солярно-космической сущности «крестьянского» Егория, а также о его календарно-циклических функциях свидетельствует пословица: «Егорий храбрый – зиме ворог лютый». Этимологически и семантически эпитет Егорий-Хоробрый родственен имени языческого солнцезбога – Хорса. Таким образом, герой встаёт в один ряд с другими древними космическими богами-змееборцами [3].

Далее следует описание всех мучений, которые преодолевает герой:

...Пилой пилити.
Пила в щепьё изломалася,
Того неверный не пытается.
Стали Егорья-света в колесе вертеть,
От того неверный не пытается.
Стали Егорья-света в котле варить,
Котел кипит, а он стойком стоит...
[4, с. 240].

⁴ Имя Кудреяна встречается обычно в былинах о вражеском нашествии [1].

Очевидно, что основой сюжета явились нелитературные источники, прежде всего – житийные иконы. На это указывает тот факт, что описанные мучения святого никак не согласуются с официальным житийным текстом, поэтому единственным источником могли быть иконы. Есть ещё одна деталь, которая выдаёт «народный взгляд» на историю – это наивность в воспроизведении пыток. А здесь угадывается влияние лубочных (потешных) картинок, которые получили широкое распространение на Руси в XVII веке.

Следует упомянуть и то обстоятельство, при котором в русском средневековом искусстве, особенно в раннем, тема страданий не актуализировалась, – это специфическое мировосприятие русского человека. С точки зрения провинциального художественного сознания святые являлись скорыми помощниками, и любые трагические события могли поколебать силу святого. Поэтому страстные мотивы либо пропускались, либо давались пунктирно. Не случайно в тексте испытания представлены именно так.

Другой сюжет – змееборство – вторая и не менее важная часть стиха. Дракоборческие мифы были знакомы многим языческим культурам. Светоносный рыцарь поражает дракона – это вавилонский миф о Мардуке и Тиамане, древнеегипетский о Горе и Сете, древнегреческий об Аполлоне, победителе Тифона, о Персее и Медузе, колхидский о Язоне и драконе и пр. Из этого следует, что древние языческие предания явились питательной средой для формирования образа рыцаря-победителя в христианстве [13]. На Руси сюжет был популярен на всех социально-культурных уровнях: государственном, церковном, фольклорном. В православии мотив «Чудо Георгия о змие» культивировался на протяжении долгого времени, особенно в ранний период христианизации, когда уничтожалась языческая религиозная программа.

В русской иконописи этот сюжет мог иметь развёрнутую иконографию и дополняться важными деталями, в частности, копьё рыцаря заменялось поясом Елисавы, которая, согласно одному из вариантов легенды, набрасывала его на шею дракона, тем самым усмиряя его. Таким образом реализовывалась идея о

том, что Георгий молитвой победил чудище. Для православных это считалось важным: оно транслировало мощь духовной, а не физической силы. Поэтому данный иконографический вариант стал одним из популярных в народной поэзии карельских ареалов.

В анализируемом тексте мотив даётся кратко без детализации:

...Откуль ни взялся да ведь Егорий-свет.
«Ах ты, Олесафья да Агапеевна,
Ты возьми-ко шелковой пояс,
Шорни змею да по хоботу ...»
[4, с. 241].

В северной живописи развёрнутая иконография появлялась не часто: образы Георгия и змея дополнялись образом царевны Елисавы, выходящей из городских ворот и смотрящей на сражение рыцаря с чудищем.

В этом смысле показательна икона XVIII века из собрания Музея изобразительных искусств Республики Карелия «Чудо Георгия о змие в акте спасения царевны Елисавы» (ил. 1), относящаяся к «северным письмам»⁵.

В произведении в своей провинциальной трактовке отражены приёмы барокко, книжной миниатюры с элементами лубочного листа, росписи по дереву. Цветовой арсенал по-северному лаконичен и прост, отличается приглушённостью, неплотностью, активным использованием охристых оттенков, хотя желание разнообразить скромную палитру, безусловно, присутствует в виде розового и киновари. Очевидно стремление изографа к детализации и миниатюрности письма, особенно это реализуется в рисунке конской упряжи и кольчуги святого. В представлении архитектурных кулис идея прямой перспективы остаётся неразвитой.

⁵ «Северные письма» – термин условный. Он принят в искусствоведении для обозначения происхождения стилистически близких произведений иконописи, созданных живописцами русского Севера в XV–XVIII веках. Для таких произведений в целом характерны использование апокрифов, наивная наглядность образов, простота живописных приёмов, декоративность [12, с. 9–10].

Ил. 1. Икона «Чудо Георгия о змие»⁶

Барочные черты в виде спиралевидных и «завихряющихся» линий просматривается в рисунке плаща святого, а также гривы и хвоста коня. Однако на фоне общей композиционной статики эти детали в определённой степени демонстрируют неразвитость и наивность форм. Единственным традиционным образом является царевна Елисава. Её одеяния соответствуют канону византийских княжеских облачений: классическая форма придворного платья дополняется полукруглым оплечьем, далматиком с передником и подольником, обшлагами рукавов и венцом на голове. Наблюдающая за поединком, она изображается в состоянии кротости и тревоги.

В тексте стиха всё, что случается с царевной Олесифьюшкой, несёт в себе славянское преломление и воспринимается как русская, а не византийская история. (Кстати, такой подход реализуется во многих поэтических текстах). Но данное обстоятельство передаётся фрагментарно:

⁶ Из коллекции Музея изобразительных искусств Республики Карелия; Медвежьегорский р-н, XVIII век, хвойное дерево, темпера, левкас, без ковчега.

...Пришёл ведь Ванюшко да к Олесафьюшке:
«Олесафьюшка, тебя поутру ранёшенько...
Умываласи белым белёшенько,
Снаряжалась хорошохонько,
Выходила Олесафьюшка на новые сени...
Стоит каретушка да очень тёмная...
Подпряжён жеребец накладаной,
Посажен ямщик да сам приважной...»
[4, с. 241].

В приведённом отрывке упоминается некий Ванюшко – близкий родственник (?) Олесафьюшки. Далее, героиня выходит «на новые сени» и видит карету с ямщиком. Во всём этом прочитывается исконно русская атрибутика. Структура стиха схожа с лирической свадебной песней. Место действия, эмоционально-психологическое состояние героини, предметный мир, окружающий её, – «типичные обстоятельства» в свадебной лирике. Особый поэтический фон формируется, в том числе, при помощи лексики с традиционными уменьшительно-ласкательными суффиксами *-еньк-*, *-оньк-*, *-юшк-*, *-ушк-*, участвующими в создании новых словоформ. В этом отчасти проявляется действие русского барокко с характерной языковой витиеватостью. Безусловно, предложенные выше рассуждения – всего лишь небольшая часть того многообразия аспектов, которые представляются весьма интересными в научном плане. Но даже на этом этапе можно сделать предварительные выводы.

Активное обращение мастеров карельских ареалов к образу святого Георгия обуславливалось не только его «византийским происхождением», но и древнейшими языческими культами. Христианизация края не поколебала прежнего отношения аборигенного населения к святому: сельскохозяйственные, прочие хозяйственные функции, а также солярно-магические представления дохристианской поры дополнились идеями, связанными с защитой границ и борьбой с язычеством.

Благодаря сравнительному анализу отдельных произведений из различных областей их бытования, обнаружились любопытные взаимосвязи. Во-первых, это коснулось стиля, который продемонстрировал интересный симбиоз барокко, лубка, устного фольклора. Их слияние было последовательным процессом, хотя и более «узким» в сфере своего применения, но явилось питательной почвой для сложения новых типов образности. В результате выработалась линия примитивизации барочных форм; «уход» от драматических сцен, которые в народном представлении понимались как ситуации исключительные, предназначенные только для избранных, и быстро проходящие в силу незаурядности героя. Кроме того, «византийские истории» перенесли на русскую почву и обогатились местным колоритом, который, в свою очередь, приобрёл характер традиции. В более частных аспектах – таких, например, как выбор сюжета, местные мастера кисти и слова придерживались ветхозаветных апокрифических историй – это «Чудо Георгия о змие» и чудо Георгия в акте спасения царевны Елисавы. Хотя в карельской иконописи отрабатывались и другие композиции – это жития, иконы с избранными святыми. Неслучайно духовные стихи обрастали деталями, связанными с деяниями святого, идущими именно от иконы. Но, несмотря на это, процесс фольклоризации в духовных стихах был более очевидным, чем в иконе. Это может показаться вполне закономерным, ведь духовные стихи складывали люди из народа. Однако нельзя забывать о том, что и церковная живопись в Карелии создавалась в крестьянских мастерских. Даже при ограниченных возможностях изографа, отсвет канонических форм в иконе сохранялся в виде последовательной передачи сюжета, в попытке повторить образцовый вариант, в подборе цветовой палитры.

В то же время в столь разноликом эмпирическом материале выявилось одно общее качество, связанное с глубинным архаическим мировоззрением северных людей, сложившимся в дохристианский период, специфика которого, в том числе, осуществлялась посредством обращения к «программным образам» [7, 8, 9], каковым и являлся святой Георгий.

Литература

1. Антипов Е. Нравоучение древней Руси по духовным стихам. Российский литературный портал – Проза.ру; 26.11.2020. URL: <https://proza.ru/> (дата обращения: 18.01.2021).
2. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: География начальной (Нестеровой) летописи. 2-е изд., испр. и доп. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1885. 371 с.
3. Дёмин В. Н., Назаров В. Н., Аристов В. Ф. Загадки Русского Междуречья. М.: Вече, 2008. 350 с.
4. Духовные стихи Русского Севера / сост. В. П. Кузнецова, сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 800 с.
5. Коринфский А. А. Народная Русь / сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2013. 944 с.
6. Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1853. 414 с.
7. Никулина Е. Е. Образ Святителя Лазаря в устной и иконописной традиции Древней Карелии. К постановке вопроса // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2018. № 4 (16). С. 38–47.
8. Никулина Е. Е. Образ Святителя Николая в иконописи и духовных стихах древней Карелии (к вопросу о семантических формах) // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2017. № 4 (12). С. 12–24.
9. Никулина Е. Е. Особенности влияния декоративно-прикладного искусства на иконопись Карелии XVII–XVIII веков // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2019. № 35. С. 48–61.
10. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб.: Изд. Археограф. комис., 1888. X, 490, ХСVIII с. [2] л. факс.
11. Орфинский В. П. Культурное зодчество Сегозерья // Деревня Юккогуба и её округа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 91–126.
12. Реформатская М. А. Северные письма. М.: Искусство, 1968. 92 с.
13. Сендерович С. Я. Георгий Победоносец в русской культуре: Страницы истории. 2-е изд., перераб. М.: Аграф, 2002. 366 с.

References

1. Antipov E. *Nravouchenie drevnej Rusi po duhovnym stiham* [The moral teaching of Ancient Russia on spiritual poetry]. Russian literary portal – Proza.ru; 26.11.2020. URL: <https://proza.ru/> (18.01.2021).
2. Barsov N. P. *Oчерки russkoj istoricheskoi geografii: Geografija nachal'noj (Nesterovoj) letopisi. 2-e izd., ispr. i dop.* [Essays on Russian Historical Geography: Geography of the Primary Nestor's Chronicle. 2nd edition, revised and expanded]. Varshava: Tipografija K. Kovalevskogo, 1885. 371 p.

3. Djomin V. N., Nazarov V. N., Aristov V. F. *Zagadki Russkogo Mezhdurech'ja* [Mysteries of Russian Interstream Area]. Moscow: Veche, 2008. 350 p.
4. *Duhovnye stihy Russkogo Severa* [Spiritual verses of the Russian North]. Compilation by V. P. Kuznecova, Authors of music scores appendix: G. V. Lobkova, M. N. Shejchenko. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2015. 800 p.
5. Korinfskij A. A. *Narodnaja Rus'* [Folk Rus']. Compilation, introductory note, commentary by A. D. Kaplina; Editor-in-chief by O. A. Platonov. Moscow: Institut russkoj civilizacii, 2013. 944 p.
6. Nevolin K. A. *O pjatinah i pogostah Novgorodskih v XVI veke, s prilozheniem karty* [About pyatinas and churchyards in Novgorod in the 16th century, with a map attached]. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 1853. 414 p.
7. Nikulina E. E. *Obraz Svjatitelja Lazarja v ustnoj i ikonopisnoj tradicii Drevnej Karelii. K postanovke voprosa* [The Image of Saint Lazarus in the Oral and Icon Painting Tradition of Ancient Karelia. Raising the question]. *Muzykal'nyj zhurnal Evropejskogo Severa* [Music Journal of Northern Europe]. 2018. No. 4 (16), pp. 38–47.
8. Nikulina E. E. *Obraz Svjatitelja Nikolaja v ikonopisi i duhovnyh stihah drevnej Karelii (k voprosu o semanticheskikh formah)* [The Image of Saint Nicholas in Icon Painting and Spiritual Poems of Ancient Karelia (on the issue of semantic forms)]. *Muzykal'nyj zhurnal Evropejskogo Severa* [Music Journal of Northern Europe]. 2017. No. 4 (12), pp. 12–24.
9. Nikulina E. E. *Osobennosti vlijanija dekorativno-prikladnogo iskusstva na ikonopis' Karelii XVII–XVIII vekov* [Aspects of the influence of decorative and applied arts on icon painting in Karelia in the 17th – 18th centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija V: Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva* [St. Tikhon's University Review. Series V: Issues of the history and theory of Christian art]. 2019. No. 35, pp. 48–61.
10. *Novgorodskaja letopis' po Sinodal'nomu haratejnomu spisku* [The Chronicle of Novgorod (Synod Scroll)]. St. Petersburg: Izd. Arheograf. komis., 1888. X, 490, XCVIII p. [2] l. faks.
11. Orfinskij V. P. *Kul'tovoe zodchestvo Segoz'er'ja* [Hieratic architecture of Segozero region]. *Derevnja Jukkoguba i ejo okruga* [Yukkoguba village and its districts]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2001, pp. 91–126.
12. Reformatskaja M. A. *Severnnye pis'ma* [Northern letters]. Moscow: Iskusstvo, 1968. 92 p.
13. Senderovich S. Ja. *Georgij Pobedonosec v russkoj kul'ture: Stranicy istorii. 2-e izd., pererab.* [Saint George the Victorious in Russian Culture: Pages of History. 2nd edition, revised]. Moscow: Agraf, 2002. 366 p.